

Рустем Вахитов, Уфа

НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И РУССКИЙ НАРОД

ГОСПОДА ИНТЕЛЛИГЕНТЫ, НАЗВАВШИЕ СЕБЯ РУССКИМИ НАЦИОНАЛИСТАМИ И ПРЕДЛАГАЮЩИЕ ЕЩЕ ОДИН «СУПЕРЭФФЕКТИВНЫЙ ПРОЕКТ СПАСЕНИЯ РУССКОГО НАРОДА», САМОГО ЭТОГО НАРОДА, ЕСТЕСТВЕННО НЕ СПРОСИЛИ...

Р

усская национал-демократия – явление, которое появилось на политической сцене России не очень давно, во второй половине 2000-х. Фактически это первое оригинальное идеологическое и политическое течение,

которое появилось после 1991 года и не уходит своими корнями в советское и имперское прошлое. Прозападный русофобский либерализм и зюгановско-прохановский национал-коммунизм, соперничество которых составляло политический лейтмотив 1990-х, идеологически оформились еще в позднесоветские годы, когда внутри КПСС сложились две группировки: русская партия во главе с Егором Лигачевым и западническая во главе с Александром Яковлевым, а диссидентское движение также раскололось на либеральное крыло (Сахаров, Боннэр, Буковский и др.) и консервативно-почвенническое (Солженицын, Шафаревич и др.).

Можно предположить, что появление русской национал-демократии связано с разочарованием во Владимире Путине. Сейчас уже мало кто помнит, что в начале своего первого срока Путин воспринимался многими – и его сторонниками, и его противниками – как консерватор и даже почти как русский националист. Именно тогда лагерь «красно-коричневых» покинули и перешли на сторону власти или как минимум «повернулись лицом» к власти многие, кто думал, что с приходом к власти Путина закончилась антирусская политика постсоветского государства, которая проявила себя во всей красе в «лихие 1990-е» (вспомним, к примеру, что тогда Александр Проханов выступил с идеей «пятой империи» и даже однажды пригласил для интервью в газету «Завтра»... Анатолия Чубайса).

Но дальнейшие политические действия Путина разочаровали русских националистов. Особенное возмущение у них вызвала политика преференций кавказским республикам (прежде всего, Чечне) в обмен на их политическую лояльность Москве (программа преференций не ограничивалась финансовыми вливаниями и предполагала фактическое табу на критику каких бы то ни было действий членов кавказской диаспоры в центральной России вплоть до заявлений, что «терроризм не имеет национальности»).

Эта политика путинского Кремля имела свои совершенно очевидные причины: любым способом сохранить целостность Российской Федерации и предотвратить взрыв сепаратизма в ней. Можно сказать, что руководство России руководствовалось здесь преимущественно интересами государства (хотя вообще-то это сильное упрощение, потому что распад России приведет к тому, что огромное количество русских вдруг окажутся в независимых этнократических государствах Кавказа и Поволжья на правах нетитульного населения, неграждан, как это произошло с русскими Средней Азии и Прибалтики, или же -

в беспокойных приграничных районах новой урезанной России, так что в этом смысле Путин совершенно прав, говоря, что сохранение целостности РФ в интересах русского народа).

Как бы то ни было русские национал-демократы – это те политики и идеологи, которые решили, что не нужно ждать и требовать от государства российского соблюдения прав русского народа, народ русский якобы сам должен взять свою судьбу в свои руки, то есть установить строй этнической демократии, когда правительство и государство напрямую будут зависеть от русской нации как гражданского общества, объединяющего преимущественно этнических русских (наиболее ярко это разочарование в государстве проявилось на примере Сергея Сергеева, который проделал эволюцию от охранителя в стиле Н.В. Устрялова до национал-демократа).

Естественно в тех регионах, где количество этнических русских составляет меньше половины населения, а это прежде всего республики Кавказа, установить русскую этническую демократию не представляется возможным, поэтому русские нацдемы готовы отказаться от тих территорий, считая, что у русских земли и так слишком много и что эти территории их население все равно так и не вошли не в политическое, а в культурном смысле в состав России (нацдемы убеждены, что этот отказ от части территорий затронет только Кавказ, между тем в Татарстане русские также уже составляют меньшинство – 40% русских против 53% татар, а в соседнем Башкортостане башкиры вместе с татарами численно превосходят русских примерно в 2 раза, в Якутии по данным 2002 года русских 41, 2%, а одних только якутов, не говоря уже о других народах Севера – 45,5%). Они убеждены, что от этого русское государство лишь станет крепче, а русский народ лишь съэкономит свои силы, которые сейчас тратятся на удержание империи.

Итак, надежды нацдемов – на русскую демократию. Причем под демократией понимается, естественно, политический механизм западной – европейской и англосаксонской демократии (недаром нацдемы любят поговорить о том, что русские – это европейский народ). Нацдемы активно апеллируют к опыту Запада Нового времени, когда действительно проект национализма сумел сплотить население территорий современных Франции, Германии и других стран и превратить их в политические нации – настолько сильные, что со временем они даже смогли обзавестись своими колониальными владениями.

Что бы ни говорили сегодняшние апологеты гражданского национализма, эти политические нации первоначально формировались как нации этнические и мысль о том, что негр может быть членом французской и тем более немецкой нации еще в XIX веке воспринималась как абсурд. Либеральная демократия и вправду сыграла значительную роль в становлении этих наций – ее идеи

объединили низы и средний класс в их противостоянии аристократии.

Не будем забывать, что европейская аристократия была меньше всего заражена идеями национализма и даже зачастую была лишена национальной идентичности. Она представляла собой своеобразный наднациональный слой Европы (укажем хотя бы на представителей домов Габсбургов, Бурбонов, которые правили в различных странах, но были связаны родственными узами и общей субкультурой). Неудивительно, что именно аристократия стала главной силой, противостоявшей разделению Европы на демократические государства-нации и что антиаристократические «антифеодальные» революции проходили под националистическими лозунгами (вроде лозунга «Да здравствует нация!» у французских революционеров XVIII века).

Но здесь русские национал-демократы совершают одну роковую для них ошибку. Они не обращают внимания на то, что политический механизм либеральной демократии устроен так, что приводит к власти представителей буржуазии.

Первые либеральные демократии Европы и Америки были откровенными плутократиями, потому что в них существовал имущественный ценз и всей полнотой гражданских прав обладали лишь представители крупной и средней буржуазии, а малоимущие слои населения были этих прав лишены.

Затем в результате борьбы городских низов и прежде всего пролетариев Запада, практически все слои населения, независимо от их имущественного состояния получили пассивное избирательное право. Тем не менее, система выдвижения кандидатов, конкурентной борьбы между ними, политической рекламы в демократиях Запада устроена так, что реальная власть все равно находится в руках крупной и средней буржуазии. Выиграть избирательную кампанию может либо очень богатый человек, либо человек, за которым стоят очень богатые люди.

Кстати, в Конгрессе США в наши дни около половины депутатов (250 из 435) – миллионеры и можно быть уверенным, что другая половина представляет интересы официальных и неофициальных клубов миллионеров. Конечно, они вынуждены заигрывать с малообеспеченными слоями населения, потому что это – их избиратели, но

учитывать их интересы они будут лишь до определенной степени.

Следовательно, если в России действительно будет установлена демократия западного типа, к власти придут представители буржуазии. 1990-е годы это очень ярко это показали: недаром же тот режим получил название «семибанкирщины». Нацдемы возразят, что это будет русская буржуазия и она будет работать на русскую нацию а не против нее, как французская буржуазия XVIII века работала на французскую нацию, разрушая региональные перегородки, стягивая страну железными дорогами, сетью шоссе, создавая частные школы и высшие учебные заведения. Но, увы, мы живем не в XVIII и не в XIX, а в XXI веке и капитализм, который некогда был национальным феноменом, стал феноменом интернациональным, глобальным. Время национальной буржуазии, скрепляющей нацию и усиливающей национальное государство, прошло.

Сейчас буржуазия – наднациональное сообщество, подобно европейской аристократии XVIII века, только охватывает она не всю Европу, а весь мир. И русские буржуа, будь они трижды этническими русскими, не имеющие примесей тюркской, финской и кавказской кровей, войдя в это сообщество, будут руководствоваться не интересами народа, к которому они принадлежат по признаку происхождения, а интересами этого глобального сообщества (тем более, что войдут они в него не на первые роли, которые уже заняты буржуа из США, стран Евросоюза и Японии, а на вторые и даже на тридцать вторые роли).

А то, что эти господа из элитарных международных организаций вовсе не озабочены интересами русского народа, вряд ли нужно доказывать...

Поэтому нет ничего страшнее для русского народа (да и для других народов России) либеральной буржуазной демократии.

Впрочем, простые русские люди, для которых слово «демократия» уже лет 15 – страшное ругательство это понимают интуитивно, основываясь на личном опыте и здравомыслии. Чего не скажешь о господах интеллигентах, назвавших себя русскими националистами и предлагающих еще один «суперэффективный проект спасения русского народа», самого этого народа, естественно не спросив. ▲